

УДК 338(470)(09)
ББК 65.03
DOI [10.17150/2308-2588.2015.16\(4\).791-809](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2015.16(4).791-809)

А. В. Шалак

*Байкальский государственный университет
экономики и права,
г. Иркутск, Российская Федерация*

ИДЕОЛОГИЯ ВМЕСТО ФАКТОВ, ИЛИ КАК ИНТЕРПРЕТИРУЮТ НАШУ ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ИСТОРИЮ

Аннотация. Анализируется работа П. Грегори, М. Харрисона «Распределение в условиях диктатуры: исследование на базе архивного материала сталинской эпохи». Критическому разбору подвергаются основные взгляды авторов на роль центральных органов власти в деле выработки экономической политики, распределении ресурсов, а также создании стимулов, определявших поведение субъектов хозяйственной деятельности. Обращается внимание на отсутствие новизны в их оценках и выводах по вопросам экономической модернизации России в 1930-е гг.

Ключевые слова. Индустриализация, интерпретация истории, П. Грегори, М. Харрисон, советская экономика.

A. V. Shalak

*Baikal State University of Economics and Law,
Irkutsk, Russian Federation*

IDEOLOGY INSTEAD OF FACTS, OR HOW OUR ECONOMIC HISTORY IS INTERPRETED

Abstract. The author analyzes the paper by P. Gregory and M. Harrison called «Allocation under dictatorship: research in Stalin's archives». The author critically examines its key ideas regarding the role of the central bodies of power in the development of economic poli-

cy, allocation of resources and creation of incentives that would determine the behavior of the subjects of economic activities. The author draws attention to the fact that there is no novelty either in their estimates or their conclusions regarding Russia's economic modernization in 1930s.

Keywords. Industrialization, interpretation of history, P. Gregory, M. Harrison, Soviet economy.

Пол Грегори, профессор экономики Хьюстонского университета, сотрудник Гуверского института войны, революции и мира Стэнфордского университета, является известным зарубежным специалистом по экономической истории России. Его книга «Russian National Income: 1885–1913», изданная в 1982 г., является работой, на которую нередко можно встретить ссылки в исследованиях по экономическому развитию России. Помимо публикаций по экономике Пол Грегори издал несколько книг по советской истории, среди них «Политика, убийство и любовь в сталинском Кремле: История Николая Бухарина и Анны Лариной», «Женщины ГУЛАГа». Его корни — в Читинской области. Отец служил в семеновских войсках, был вынужден бежать из Читы от Красной армии в Харбин, затем перекочевал в Токио, а уже оттуда перебрался в Сан-Франциско. Так потенциальный забайкальский казак стал американским исследователем российской экономики. Его соавтор Марк Харрисон (профессор экономики Уорикского университета) также является известным западным специалистом по советской экономике сталинского периода.

В аннотации к рецензируемой работе П. Грегори и М. Харрисона¹ заявлено, что в ней представлен обзор новейших исследований советской экономики на базе архивов сталинской эпохи, выявлены новые материа-

¹ Грегори П. Распределение в условиях диктатуры: исследование на базе архивного материала сталинской эпохи / П. Грегори, М. Харрисон // Экономическая история. Ежегодник. 2013. — М. : Политическая энциклопедия, 2014. — С. 251 — 330.

лы о командной системе и роли Сталина в выработке экономической политики, установлены пределы административного распределения ресурсов, информационные потоки и стимулы, определявшие поведение хозяйственных руководителей, масштаб и значение коррупции. Ознакомившись с аннотацией, читатель будет ждать новых выводов, обобщений неизвестных доселе данных, свежего прочтения темы. Тем более что во введении авторы отмечают, что это была «хорошо документированная диктатура». В данном случае нет оснований не соглашаться с мнением авторов. Архивные данные, действительно, настолько многообразны и широки, что позволяют исследовать данную эпоху в деталях на всех уровнях. К сожалению, в постсталинский период документы постепенно приобретают все более «скучный» характер. Статистика не стала хуже, но из документов стали исчезать различные факты и детали, характеризующие не только процесс принятия решений, но и то, что можно назвать духом эпохи. Например, в архивах сталинского периода хранятся не только материалы партийно-хозяйственных активов или пленумов обкомов партии, но и несколько томов подготовительных материалов к каждому из них. Они и представляют наибольший интерес, поскольку включают гораздо больше документов, аналитических записок, писем, обследований, чем те факты, которые нашли отражение в основном докладе. И все эти материалы в советский период являлись доступными для историков. Но авторы анализируемого исследования утверждают, что советское государство держало информацию в строжайшей тайне, и это стало серьезным препятствием на пути изучения советской плановой экономики, являвшейся важнейшим социально-экономическим экспериментом XX века и «опорой наиболее законченной и прочной диктатуры столетия» (С. 252)¹.

¹ Здесь и далее по тексту — ссылки на страницы рецензируемой работы.

В данном случае это утверждение в большей степени имеет отношение к зарубежным исследователям, доступ которых в советские архивы был ограничен. Поэтому всегда интересно узнать, какие тайны извлекают западные исследователи из архивных данных.

П. Грегори и М. Харрисон отмечают пугающе огромный пласт архивных фондов. «Советское государство вмешивалось во все и везде, стояло на страже государственной собственности, общественной морали и большинства аспектов общественной жизни» (С. 252). Казалось бы, такие объемные данные архивных фондов позволяют сделать обоснованные и взвешенные выводы. Но авторы готовят почву для другого: «Нет сомнения, что время от времени Сталин изображал формальную непричастность к принятию непростых решений или ограничивался лишь устными указаниями» (С. 252). То есть, с одной стороны, материалов «пугающе много», с другой — их изучение не может стать основой для обоснованных выводов, поскольку часто Сталин ограничивался устными указаниями, которые, естественно, не нашли отражения в архивах.

Дальше они подкрепляют свой тезис еще одной «проблемой»: «Большинство постановлений издавалось для служебного пользования узкого круга лиц. Помимо почти 4 тыс. постановлений, изданных в 1930–1941 гг., существовало свыше 28 тыс. секретных, из которых более 5 тыс. были секретными настолько, что были известны всего горстке людей» (С. 261). Откуда такая точность, знание количества секретных и особо секретных постановлений, если сами же авторы отмечают, что «секретные документы того времени по-прежнему хранятся под особым грифом в Архиве Президента РФ, архивах ФСБ и МВД», а «путинская Россия продолжает хранить советские секреты 1960 гг. и более позднего периода» (С. 252).

Впрочем, П. Грегори и М. Харрисон и не скрывают, что они в своих выводах не склонны ориентиро-

ваться на архивные данные: «... Что же касается архивных находок, ...то мы касаемся их лишь мимоходом» (С. 253). Получается, что «хорошо документированная диктатура» изучается «мимоходом». Но если выводы делаются не на основе архивных материалов, тогда на основе чего? Открыв примечания к работе, вы не обнаружите в них ни одной ссылки на архивные данные, там присутствуют только работы западных советологов и небольшая часть российских «грантополучателей». И где же «новые архивные данные»? Несмотря на их полное отсутствие или игнорирование, авторы все же пытаются подчеркнуть «новизну» своей работы, утверждая, что «до архивной революции ученые практически не имели первичных сведений о рассмотрении политических аспектов экономических проблем центральными органами власти» (С. 253). И это они утверждают в отношении советского общества, где все стратегические проекты инициировались властью, а не какими-то космополитическими бизнес-структурами, при том, что инициируемые политическим руководством экономические планы широко обсуждались, комментировались и корректировались. И вдруг — «не рассматривались политические аспекты...».

В деятельности сталинского руководства и самого диктатора авторы постоянно ищут какой-то скрытый смысл. Они не могут понять или поверить, что содержание их речей, осуществляемых планов действительно соответствовало замыслам о превращении страны в сильную индустриальную державу, способную выдержать конкуренцию с западными государствами и обеспечить ее безопасность. Оказывается, невзирая на эти документы, речи и реально осуществляемые планы, западным советологам, в том числе и П. Грегори и М. Харрисону, остались неведомы «основополагающие экономические установки, определяющие действия диктатора...» (С. 254). Вот и пойми эти «новые» методологические подходы, когда практически извест-

но все, директивное планирование расписывало и доводило до всех субъектов политической власти цели и задачи экономической политики, огромное число выступлений государственных руководителей разъясняло, уточняло, отчасти корректировало данные планы. Результаты их осуществления тоже давно известны, но советологи переводят эту тему в иную плоскость. С их точки зрения, не мог Сталин действовать в интересах своей страны и своего народа, не верят они в это, поэтому ищут двойное дно, а именно, как он (Сталин) использовал эти экономические установки «для достижения политических и иных целей». Если перевести это на более понятный язык, то задача данных авторов в том и заключается, чтобы придумав такой подход, доказать: за всеми действиями сталинского руководства стояли иные интересы и цели, качественно отличные от декларируемых. Проще говоря, нужно найти основу для фальсификации истории. Поиск и обоснование иных задач и целей, чем те, которые официально декларировались, и составляет основное содержание данной работы. При этом свои оценки происходящего авторы подкрепляют только мнениями западных исследователей, которые также «не имели доступа к архивным данным». То есть работа строго соответствует заданным рамкам, за которые авторы выходить не собираются. Обращение к «архивным данным» не более чем дань условностям.

«Архивные данные обогатили нас совершенно новыми знаниями о реальном процессе принятия решений в высших эшелонах власти» (С. 257). И что же это за «совершенно новые знания»? Оказывается, «советское государство не интересовали расчеты, его заботила необходимость наказывать и устрашать своих врагов, и оно решительно проводило свои решения через сложную иерархическую структуру исполнителей, мотивируя угрозами и обещаниями» (С. 257). А теперь, уважаемый читатель, попробуй понять, чем эта оче-

редная страшилка отличается от того бреда, который плели советологи различных мастей десятилетиями о советском обществе? Когда читаешь такие выводы, то создается впечатление, что западные исследователи по-прежнему находятся в плену тех мифов и идеологических схем, которые были изобретены в годы «холодной войны», только теперь это прикрывается тезисом об изучении новых архивных данных, дабы придать работе научно-исследовательский характер. Оценки П. Грегори и М. Харрисона ничем не отличаются от оценок их предшественников, и от содержащихся в ранее ими написанных работах, на которые они широко ссылаются. Поэтому нет ничего удивительного, что голод на Украине в 1932–1933 гг. объясняется только тем, что руководитель ЦК КП Украинской ССР «не боролся за более низкие нормы сборы зерна», то есть «отдавал предпочтение общехозяйственным интересам перед ведомственными». О других причинах авторы то ли не знают, то ли их просто игнорируют, поскольку те не укладываются в их схему (С. 260).

Не было в Советском Союзе и никакого планирования, поскольку «те, кто пытался заложить его интеллектуальные основы, выживались из Москвы в соответствии с указаниями Сталина» (С. 262). Понятно, что другого при тоталитарной системе, с точки зрения П. Грегори и М. Харрисона, не могло и быть. Свои тезисы они подкрепляют рассуждениями Ф. Хайека, который утверждал, что тоталитарная система «не способна заранее связать себя общими и формальными правилами, мешающими произволу». И далее авторы глубокомысленно изрекают: «Архивный материал свидетельствует о том, что Хайек был прав» (С. 263). Но в примечаниях вместо отсылки к архивным материалам вы опять наткнетесь на пространные рассуждения то ли автора, то ли авторов ни о чем, но с выводом: «Наша точка зрения состоит в том, что командная система советского типа отличалась неприязненными

отношениями к формальным правилам» (С. 319). Вместо обещанных выводов на основе архивных материалов, читателя опять отсылают к «точке зрения автора». На подобных манипуляциях построена вся работа. Выводы идеолога либерализма Хайека настолько же далеки от научного осмысления советского периода, как и «точка зрения» его апологетов. Идеология опирается на систему ценностей, а П. Грегори и М. Харрисон, чтобы сделать свой труд научным, должны опираться на факты. Но вместо фактов в работе одни предположения и гипотезы, почерпнутые опять же из работ своих единомышленников.

При этом, огульно обвиняя сталинский режим во всех грехах, авторы работы даже не задумываются о формальных правилах логики. Например, анализируя деятельность Политбюро, они пишут: «...ученые советологи сделали обоснованное предположение о попеременном усилении умеренной и радикальной группировок партийно-государственных деятелей» (С. 253). Кто они такие и чем отличаются их позиции, авторы не раскрывают. Но зато на следующей странице они утверждают уже другое: «Политбюро объединяла общая стратегическая линия» (С. 254).

Другой пример. Сталину и его команде инкриминируется создание директивной экономики, которая, с точки зрения П. Грегори и М. Харрисона, однозначно деструктивна и губельна. Невозможно найти ни одного позитивного момента в их изложении. При этом тут же в вину Сталину и его команде ставится то, что формальных устойчивых правил существовало совсем немного (С. 264). То есть та относительная свобода и живое творчество, которое пронизывает процесс индустриализации — это в тоже время «антипатия диктатора к формальным правилам». Спрашивается, где логика? Получается, что никакой строгой директивной экономики, предписывающей и распределяющей, регламентирующей каждую мелочь не было. Это вы-

думка П. Грегори и М. Харрисона и им подобных. Но только теперь они уже обвиняют Сталина с другой стороны: за то, что в придуманной советологами «жесточайшей» директивной экономике, Сталин не занимается регламентацией всего и вся, а расставляет приоритеты (в частности, приоритет отдавался тяжелой и военной промышленности).

Сталин, выступая с отчетом ЦК XVI съезду партии, разъяснил свою позицию по этой проблеме следующим образом: «Могут сказать, что, меняя так основательно намётки пятилетнего плана, ЦК нарушает принцип планирования и роняет авторитет планирующих органов. Но так могут говорить только безнадёжные бюрократы. Для нас, для большевиков, пятилетний план не представляет нечто законченное и раз навсегда данное. Для нас пятилетний план, как и всякий план, есть лишь план, принятый в порядке первого приближения, который надо уточнять, изменять и совершенствовать на основании опыта мест, на основании опыта исполнения плана. Никакой пятилетний план не может учесть всех тех возможностей, которые таятся в недрах нашего строя и которые открываются лишь в ходе работы, в ходе осуществления плана на фабрике, на заводе, в колхозе, в совхозе, в районе и т.д. Только бюрократы могут думать, что плановая работа заканчивается составлением плана. Составление плана есть лишь начало планирования. Настоящее плановое руководство развёртывается лишь после составления плана, после проверки на местах, в ходе осуществления, исправления и уточнения плана» [1, с. 346–347].

То есть отношение Сталина к процессу планирования было как к процессу творческому, живому, корректируемому по ходу его выполнения. Но вот именно это живое творчество, в рамках которого центральные органы власти постоянно поддерживали контакты с местными и вникали во многие детали, поправляли и отработывали в ходе реализации различные подходы,

искали и находили прорывные решения, поощряли думающих и подстегивали нерадивых, анализировали допущенные ошибки — все это «жесточайшая директивная экономика», а то, что она работала как живой организм, а не напрочь формализованный процесс — есть плохо. Сталин еще в 1930 г. говорил, что так думать могут только бюрократы, но, оказывается, что так думают и западные советологи. Его стремление максимально переложить решение вопросов на нижестоящие уровни, разгрузить центральные органы власти для аналитической деятельности, определения стратегических целей трактуется как «проклятие диктатора». И пусть порой это прикрывается фразами, что авторы «выдвинули предположение» или им «порой сложно установить», в действительности их позиция не нова, она не меняется с начала «холодной войны».

О чем спорят западные «исследователи» сталинской эпохи? Посудите сами. До «открытия архивов» они утверждали, что «первоочередной целью для диктатора был выпуск продукции, а капиталовложения являлись производными от него». Когда же они стали изучать архивы, то установили, что «в действительности Сталин и Политбюро пытались направлять развитие экономики, контролируя уровень и структуру потребления» (С. 268). Дети в школе понимают это без какого-либо «глубокого изучения архивов». Если есть генеральная линия развития, трансформировавшаяся в долгосрочных планах экономического развития и определения приоритетов страны, то это означает, что сталинское руководство не сидело в качестве бухгалтеров и не подсчитывало тупо количество произведенного в стране, а реально управляло и направляло. Советологи же лишь сейчас выдают это за высочайшее достижение исторической мысли «на основе изучения архивных данных». Таких «высот» достигла западная историческая мысль. Если бы П. Грегори и М. Харрисон открыли советский школьный учебник по исто-

рии, то они бы обнаружили в нем свое открытие на каждой странице.

Примерно на таком же уровне трактуются ими и цели модернизации. Для чего проводилась индустриализация, строились тысячи заводов и фабрик, создавалась фундаментальная наука, развивались коммуникации? Все очень просто: гидроэлектростанции, машинные комплексы, железные дороги и каналы «были призваны запечатлеть новое общество в цементе и конструкционной стали» (С. 269). То есть не было иных задач, как построить нечто вроде памятника «новому обществу». В данном случае, авторы либо откровенно лукавят (врут), поскольку наверняка читали материалы съездов, партийные документы, выступления Сталина, в которых формулировались цели и задачи развития, исходя из той международной обстановке, в которой все это создавалось. Страну ждала «война техники», к которой она готовилась, преодолевая свое отставание в кратчайшие сроки. Не подготовиться к войне означало обречь государство на неминуемое поражение. В силу чего это было не безумное строительство всего и вся, а вполне осмысленный проект. Не без издержек, не без проблем в реализации модернизационный рывок был осуществлен. Вот чем был озабочен «гомо советикус», в то время как «гомо экономикус» (С. 273), т. е. западный человек, озабоченный своим потреблением, мгновенно сдался нацистам. И вот пусть объяснят П. Грегори, М. Харрисон и вся их компания, в таком стиле трактующие советскую историю сталинского периода, почему Европа не стала воевать с нацистами? Ведь все у них было правильно в потреблении и торговле, и памятников своему обществу в стали и цементе они никаких не создавали, все так было славненько и уютненько, и диктаторов, типа Гитлера, Муссолини и прочих, европейская демократия не порождала, они проживали только в России. Если бы авторы, реконструируя события, опирались на конкретно-исторический подход, а

не на придуманные антисоветские мифы, то выводы у них были бы намного ближе к истине. Если так дело пойдет дальше, то скоро сталинскому руководству они поставят в вину отсутствие однополых браков и прочих бред по поводу прав сексуальных меньшинств.

Противоречий, как уже отмечалось, в данной работе очень много, а различные трактовки порой просто умиляют своей наукообразной простотой. Из текста статьи следует, что Политбюро в 1930-е гг. занимали три вопроса: запланированный бюджет капитальных вложений, сборы зерновых и курс иностранной валюты (С. 269). А уже на следующей странице авторы утверждают, что к числу вопросов, наиболее часто обсуждавшихся на заседаниях Политбюро, относилось питание населения. И как они интерпретируют сей удивительный факт? Оказывается, то, что Сталин и Политбюро столь много времени посвящали питанию и торговле может лишь «свидетельствовать о непостоянстве Сталина в своих предпочтениях. Судорожные гуманистические порывы время от времени заставляли его увеличивать снабжение рабочих» (С. 271). Однако П. Грегори и М. Харрисон отдают отчет, что таким примитивным суждением вряд ли следует ограничиваться. Поэтому, придумывается диаграмма, которая объясняет «модель Политбюро». В этой диаграмме никто ничего не поймет, но суть их вывода сводится теперь уже к следующему: «диктатор» чувствовал тонкую грань, отделяющую дальнейшее наращивание капиталовложений от начала серьезных беспорядков. «Когда слишком обильные капиталовложения грозили подрывом экономики и возмущением рабочих, Политбюро предпочитало пожертвовать капиталовложениями» (С. 273). О чем бы не свидетельствовали реальные факты и документы, авторы настойчиво интерпретируют их в рамках того образа сталинского режима, который они предварительно создали. Но поскольку факты — вещь упрямая, то вступают в дело

различные «интерпретации» авторов, смысл которых должен соответствовать навязываемому образу. Как говорится, факты здесь не причем, а если ситуация совсем уж безнадежная, то можно придумать «диаграмму поведения Политбюро», опираясь на которую, то есть на свою придумку, интерпретировать проблему в нужном ключе.

Не могут пройти авторы статьи и мимо коллективизации. Для чего она проводилась? «С политической точки зрения, коллективизация была нацелена на установление советской власти в деревне и уничтожение прослойки зажиточных крестьян» (С. 276). То есть спустя 12 лет после революции и установления советской власти эта самая власть в деревне отсутствовала, и ее нужно было установить. И далее на С. 283 читаем, что в середине 1960-х гг. колхозы фактически прекратили свое существование, так как «колхозники были переведены на фиксированную заработную плату, как и все прочие работники». Непонятно только «с политической точки зрения», что случилось с советской властью, сохранилась ли она после «исчезновения» колхозов?

Открывая четвертый раздел своей работы, авторы пишут, что он охватывает следующие вопросы: «как планы и команды взаимосвязаны с рынками и деньгами, как работают рынки и как происходит принудительное исполнение контрактов на рынке продавца» (С. 291). Далее следует анализ «исследовательских подходов»: «Исследовательская литература предлагает ряд гипотез, которые могут быть проверены на архивном материале», хотя можно ли назвать исследовательской литературу, которая предлагает гипотезы, не обращаясь к источникам? Далее авторы констатируют: «Документы, относящиеся к периоду складывания советского государства, повествуют о государстве мобилизационного типа, отвергающем рынок во имя получения дискреционной власти над ресурсами».

Так если рынок отвергался, то какие рынки они собираются исследовать? Как следует из дальнейшего изложения, вместо рынков существовали некие иерархические и горизонтальные неформальные связи, в рамках которых «принципалы» в неофициальных сделках то ли боролись за выполнение плана, то ли за наполнение собственного кармана (С. 302).

Проблема злоупотреблений, казнокрадства, существует в любой экономике. Не является исключением и сталинский период советской истории. Но если ее исследуют, как заявлено, на основе архивных данных, так и обоснование должно документироваться не на основе гипотез, а на основе эмпирического анализа хотя бы одного наркомата. И неплохо бы сравнить полученные данные с тем, как тратились бюджетные средства в процветающей рыночной экономике тех же США в 1930-е гг., с уровнем казнокрадства и «нецелевого» использования средств в их государстве. Тогда бы получалось конкретно-историческое исследование, а не набор абстрактных гипотез, против которых никто не возражает, если они либо подтверждаются обобщенным фактическим материалом, либо опровергаются им же. Ссылки же на отдельные фактики или мемуарные высказывания не приближают нас к строго научному историческому исследованию.

Интересно отметить, как П. Грегори и М. Харрисон, игнорируя сравнительный анализ, обосновывают свою позицию. «Рыночные экономики не застрахованы от ошибок в подсчетах капиталовложений, однако никто не пытался сопоставить объем неоконченного строительства в экономике советского и рыночного типов. Можно предположить, что одна из причин этого заключается в том, что в рыночных условиях статистические органы не считают неоконченное строительство объектом, достойным наблюдения». Вот так! Там эти проблемы не достойны наблюдения

и не достойны, следовательно, изучения. А в советской экономике незавершенные в срок объекты свидетельствуют о «катастрофических ошибках в подсчетах капиталовложений» (С. 304). В качестве примера таких «катастроф», авторы приводят строительство Беломоро-Балтийского канала и Байкало-Амурской магистрали. О том, что они являются транспортными коммуникациями «в никуда», до сегодняшнего дня утверждают либералы и в России. Напомним, что Беломоро-Балтийский канал был построен за два года и, благодаря его строительству, в стране был создан Северный военно-морской флот. Без этого флота некому было бы сопровождать караваны в годы Великой Отечественной войны. Северный морской флот являлся тылом и опорой Ленинграда, без которого он бы не устоял, а ведь осажденный город сковал миллионную группировку фашистских войск. Если бы эта армейская группировка была задействована на других фронтах, какими бы дополнительными жертвами обернулись итоги войны? С каких позиций, и по каким критериям авторы определяет «эффективность капиталовложений»? Беломоро-Балтийский канал и на сегодня остается единственной безопасной внутренней коммуникацией, обеспечивающей связь с Арктикой. Именно поэтому он вновь реконструируется после погромных 1990-х гг. и загружается товарными потоками. Байкало-Амурская магистраль была бы сверх загруженной веткой, в районах ее прохождения планировалось создать девять территориально-производственных комплексов. А сегодня, благодаря «реформам», вместо развития и строительства новых коммуникаций, правительство реализует программу по перемещению жителей из 70 поселков, расположенных вдоль магистрали. Очевидно, это «эффективные капиталовложения», с точки зрения авторов статьи, а строительство коммуникаций в России есть нерациональное расходование средств.

Впрочем, П. Грегори и М. Харрисон понимают, что перегибают палку в своих придуманных оценках, поэтому вскользь замечают: «Не все решения, принятые на высшем уровне, были неэффективными и нерациональными. Если бы это было так, экономика едва ли смогла вырасти, пережить натиск Германии во время Второй мировой войны и создать современную ядерную и аэрокосмическую промышленность» (С. 305). Если это так, то признайте, что абсолютное большинство решений были правильными, если за пару десятилетий страна получила развитую индустрию, победила нацистскую Германию, на которую работала вся «эффективная и рациональная» Европа, создала ракетно-ядерный щит, который и сегодня обеспечивает ее безопасность. Но даже смягчив свои выводы, авторы все же добавляют в них «ложку дегтя»: «...наиболее ценная информация, на основе которой распределялись ресурсы, поступала в процессе отслеживания достижений прогресса за рубежом». Не трудно догадаться, каким «прогрессивным странам» обязан СССР своим грамотным планированием.

Если бы авторы с самого начала попытались разобраться в целях и смыслах российской модернизации в 1930-е гг. и уже исходя из них делали свои оценочные выводы, анализируя процесс индустриализации, планирование и пр., тогда мы, возможно, имели более или менее ясную картину исследования. Но поскольку о целеполагании авторы работы ничего не говорят, не описывают в каких конкретно-исторических условиях и международной обстановке осуществлялась индустриализация, то получается какая-то бессмыслица: неизвестно какие «принципалы» и совершенно безличные «агенты» плетут бесконечные интриги друг с другом и никто ничем толком не занимается, поскольку нет никакого разумного управления. «Существуя в условиях “гнездовой” диктатуры, они не допускали мысли, что диктатор на каждом уров-

не может выполнять иную функцию, кроме диктата» (С. 310). То есть не было проекта индустриализации, не были построены тысячи предприятий, железные дороги и прочие коммуникации, не выросли новые города, не окрепла оборонная мощь страны и т. д. Этого ничего не могло быть в условиях «диктатуры». Очевидно, самим авторам становится как-то неловко от подобных оценок, потому что через страницу они вынуждены отчасти признать, что Сталин и его Политбюро были погружены в детальную проработку экономических решений, определяли генеральную линию развития экономики и т. д. Только вот об этой генеральной линии опять ни слова.

Что в итоге? В итоге вместо исторического исследования мы имеем добротную компиляцию из тех мифов, мнений, суждений, гипотез западных исследователей, кочующих на протяжении многих десятилетий из одной работы в другую. В них ссылки только на «своих», на то, что укладывается в давно придуманную идеологами тоталитаризма схему. Есть ли новые архивные данные, нет ли их, для подобных работ не имеет никакого значения. В любом случае советская история будет интерпретироваться только в одном направлении: в развитие схемы Ф. Хайека, Зб. Бжезинского, Х. Арендт, К. Фридриха и прочих об ужасной тоталитарной диктатуре. На этом построена вся англосаксонская историческая, политологическая (советологическая) литература послевоенного периода. В рамках этой схемы вначале уравнивали советский режим с нацистским, а в настоящее время доказывают, что советский был пострашнее нацистского.

Что дает нам присутствие такого рода литературы в наших библиотечных фондах? Истину в подобных исследованиях, написанных под копирку, нужно искать под микроскопом, поскольку модернизация в России осмысливается только через призму коммерческого интереса, который напрочь отделяется от наци-

онально-государственных интересов, через ценности западной идеологии и смысла жизни «гомо экономического», а не на основе традиционных ценностей российской цивилизации, особенностей нашего восприятия смысла жизни. В итоге нам предлагается соответствующая калькуляция и компиляция нашей истории. Как это отразится на общественном сознании, воспитании гражданских качеств у подрастающих поколений, сомнений не вызывает. Переписывание истории на Украине и его последствия («русский воюет с русским») — самый наглядный пример попустительского отношения к подобного рода литературе. Раньше антисоветскую, антироссийскую литературу не пускали в нашу страну, теперь она заполонила прилавки книжных магазинов и библиотеки. На этой литературе и западных грантах выросло целое поколение общественников и экспертов. Сознание таких людей полностью ориентированно на стандарты западной цивилизации, в любом историческом событии они видят не то, что было, а то, что им нужно.

Не существует истории самой по себе, есть интерпретация истории. В данном случае нам навязывается именно западная интерпретация отечественной истории. Многими представителями политической элиты эта проблема озвучена, государство принимает и реальные шаги, объявляя нежелательной для России деятельность ряда западных фондов и организаций, активно действующих в культурно-информационном пространстве страны. Осознается данная проблема и историческим сообществом. Но осознавать — этого мало, нужно бороться за свою интерпретацию истории, а для этого ее еще требуется создать. Если этого не произойдет, то остается только либеральная интерпретация, оценивающая мировую историю через парадигму западных ценностей, игнорирующая очевидные факты и манипулирующая трагическими событиями отечественной истории.

Список использованной литературы

1. Сталин И. В. Политический отчет Центрального комитета XVI Съезду ВКП(б). 27 июня 1930 г. // Сочинения / И. В. Сталин. — М. : Госполитиздат, 1949. — Т. 12 : апрель 1929 — июнь 1930. — С. 235–373.

Информация об авторе

Шалак Александр Васильевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и международных отношений, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: Shalak-av@isea.ru.

Author

Shalak Aleksandr Vasilievitch — D.Sc. in History, Professor, Head of the Department of History and International Relations, Baikal State University of Economics and Law, 11, Lenin st., Irkutsk, 664003, Russian Federation, e-mail: Shalak-av@isea.ru.

Библиографическое описание статьи

Шалак А. В. Идеология вместо фактов, или Как интерпретируют нашу экономическую историю / А. В. Шалак // Историко-экономические исследования. — 2015. — Т. 16, № 4. — С. 791–809. — DOI : [10.17150/2308-2588.2015.16\(4\).791-809](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2015.16(4).791-809).

Reference to article

Shalak A. V. Ideology instead of facts, or how our economic history is interpreted. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2015, vol. 16, no. 4, pp. 791–809. DOI: [10.17150/2308-2588.2015.16\(4\).791-809](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2015.16(4).791-809). (In Russian).